

"Она явилась в самую грустную пору моей судьбы"

В эпистолярном наследии Достоевского особый интерес представляют письма 1855-1857 гг., относящиеся к событиям в Кузнецке. Они находятся на периферии научных исследований, не воспринимаются как целостность, не оценены в контексте эпистолярного и художественного творчества.

Столь драматичная судьба и сложность в их изучении связываются с несколькими факторами. Во-первых, несмотря на множество попыток, в научном обзоре еще прочно не укрепилось понятие "кузнецкий период", глашаным повествователем о котором остаются письма 1855-1857 гг. В связи с этим, письма кузнецкого времени не являются собой самостоятельный этап, а составляют лишь часть общирного и достаточно условного "послекаторжного периода" (1854-1859). Во-вторых, за письмами 1855-1857 гг. стоит краткий, цветущий, обесцененный обывательским восприятием перечень биографических фактов: три поездки Достоевского в Кузнецк (июнь 1856, ноябрь 1856, январь-февраль 1857); 22 дня, которые, по указаниям источников и подсчетам краеведов, провел писатель в нашем городе; венчание с М. Д. Исаевой 6 февраля 1857 г. в Одигитревской церкви. Исследовательская осторожность плюс некоторое скептическое отношение не позволяют назвать это вступление такие короткие строки "кузнецким периодом". А скучные факты, потерявшие в вековых смятениях эстетическую значимость, сжатые до церковного - "венчание", бытового - "женитьба", банального - "очередной номер в донжуанском списке Достоевского", пока не в состоянии "реабилитировать" себя.

Такое положение дел оттеняет отсутствие необходимого материала по "кузнецкому периоду": архивных и полновесных воспоминаний современников, документов, материальных источников, доносящих живые минуты середины XIX в., кузнецкой провинции. Это третий фактор. Создается информационный вакuum, который разрознен (документально-биографические, религиозно-философские, художественно-художественно-публицистические) заполняют краеведы, писатели, журналисты: М. М. Кушникова, В. Тогулец, А. С. Шадрина, Л. А. Никонова, Л. Г.

Сербин. В их работах высказано немало ценных замечаний, оставлено несколько сюжетов по поводу писем Достоевского 1855-1857 гг., понимаемых то как бесценный биографический источник и комментарий к произведениям, то как психологически точный дневник и веха в развитии эпистолярной прозы. Письма соотносят с литературными родами, выявляют отдельные особенности. Но указанные аспекты не исчерпывают темы разговора, не представляют письма 1855-1857 гг. виде целого, не открывают их загадочный лик.

Следует искать новые, неординарные подходы, понимания. Довершает все

сложности наличие в письмах 1855-1857 гг. множества утрат, неизвестностей, пустот. Из двухлетней интенсивнейшей переписки сохранилось около 40 писем, причем самыми пострадавшими оказались послания в Кузнецк к М. Д. Исаевой: до нас дошло только одно от 4 июня 1855 г. Хочется верить, что и другие будут найдены. Пусть среди бумаг цензуры, переписанные чьей-то чужой, вероломно вторгшейся в частную жизнь рукой, но сохранились...

"Второй дебют" писателя Достоевского, явившегося из забвения Мертвого Дома, начинается не только за семипалатинским письменным столом, когда параллельно и сразу воплощаются два замысла - "Дядюшкин сон" и "Село Степанчиково и его обитатели". Вступление в литературу происходит гораздо раньше и гораздо блестательней - во времена кузнецких событий.

После долгого вынужденного перерыва Достоевский, охваченный внезапно сокнувшими бытийными, бытовыми, эстетическими проблемами, переживает кризис. Требуется новый тон, новая точка зрения, изобразительные средства, чтобы явиться перед публикой не онемевшим, а во всем блеске неутраченного и даже приумноженного таланта. Поиск нового вылился в особенный и жестокий эксперимент - эксперимент над собой. В таком животрепещущий момент сама действительность, кажется, приходит на помощь художнику. Захваченная законами искусства, она "подсказывает" новые формы. "Кажется, - пишет достоевед Мочульский, - что жизнь подражает литературе, действительность находят в "Сибирской тетради", "Униженных и оскорбленных", "Преступлении и наказании", "Идиоте", "Братьях Карамазовых", "Вечном му-

же", "Кроткой". Сами письма 1855-1857 гг. не выходят за рамки закона художественного творчества, представляющего как бы эффект пружины: "точка-пространство". При соотнесении с "Сибирской тетрадью" они прочитываются как прописанный текст-разгадка и зашифрованная запись, как постепенно разворачивающееся, мерно текущее текстовое пространство и его таинственный знак "Eheu" ("Увы!"). Позднее, начиная с "Села Степанчикова", в творчестве Достоевского, особенно его знаменитом "Пятничии", мы встретим почти повсеместно действие закона уплотненности времени и пространства, который был закреплен письмами и событиями в Кузнецке 1855-1857 гг.

По мысли филолога, последователя формальной школы Н. С. Трубецкого, "Достоевский оставил письма и когда писал частные письма", т. е. проявлял себя даже в акте бытового поведения как художник, мыслил образами, творил. В письмах 1855-1857 гг. взгляд художника становится доминирующим. Он объединяет и характеризует письма как летопись "грозного чувства" - состояния предела, сплав света и тьмы, взрыв эмоций, рацио. "Грозное чувство" - нечто грозовое, одновременно угрожающее и очищающее, предчувствуемое задолго до его появления: "Я в ~~каком-то~~ ожидании чего-то; я как-будто все еще ~~бываю~~ теперь, и кажется мне, что со мной в ~~скором~~ очень скром временем должно случиться что-нибудь решительное..." (Достоевский - Фонвизиной, январь-февраль 1854 г.). Такое мы видим в эпистолярном наследии писателя *впервые*. По меткому замечанию С. В. Белова и В. А. Туммианова, аналогом "грозному чувству" может служить только страстная игра на рулетке - ~~в~~граничное увлечение Достоевского, расщепленная в качестве одной из первых стадий эстетического творчества. С Достоевским и должно было произойти нечто сверхъестественное, что избавило бы от косности языка, воскресило литературное им.

Слово, найденное Достоевским для характеристики чувства, выводит письма 1855-1857 гг. за рамки романтической эпистолярной прозы, дает толк натрадиционному повороту событий. Где-

то

между

первой

(июнь 1856)

и

второй

(ноябрь 1856)

поездками

в Кузнецк в чувстве Достоев-

реальной женщины причудливо смыкается у Достоевского с "жаждой веры" и возвращением в литературу - возрождением, воскресением, вторым пришествием. Возможно, именно это сопутствовало небывалому успеху Достоевского в кругу русских религиозных философов и символистов начала XIX в., для которых жизнь и творчество, философия и эстетика, религиозное и женское начала были неотделимы, "прорастали друг в друга".

Пытаясь уловить нюансы множества кузнецких событий, мы подчас забываем, что имеем дело с письмами-двойниками, письмами Достоевского к Врангелю, а не к Исаевой. Вспомнив об этом, невольно задаешься вопросами: почему стало возможным существование писем-двойников? Почему так была необходима фигура друга, которому адресант - обычно скрытый в своем индивидуальном поведении - исповедовался вторично со всеми подробностями и деталями, преодолевая "странные, непобедимые, невозможное отвращение писать письма"? Думается, житейских объяснений тут недостаточно. Вероятнее всего, Достоевский уже в середине XIX в. осознал необходимость самоправки, чужого слова. Письма к Врангелю не только мучительны, сколько спасительны для Достоевского. Это слово отстраненное, высказанное через время. Слово спасительное, представляющее движение из круга событий, дающее возможность посмотреть со стороны, не быть непосредственным участником. Создается знакомая по романам раздвоенность между "я" и созданным образом рассказчика. Мы как будто уже на пороге художественного мира Достоевского, где истинные события вырисовываются через массу правок, мнений, наслажений, взглядов...

Разговор о письмах Достоевского 1855-1857 гг. только начинается. Сколько еще почти странных звучаний можно обнаружить, сколько неожиданных ассоциаций, поворотов мысли подвигнет нас к пониманию загадочной писательской души...

Е. Трухан,
Филолог, научный сотрудник
музея
Ф. М. Достоевского.